

Позже Хуа Усинь понял, что Терем Всезнания занимается продажей личной информации и сплетен, так что глава этого места был тем, кто принимал на себя всю ненависть и атаки. Каждый глава выбирался жребием, вступал на пост со слезами и жил в постоянном страхе. Лишь один дожил до тридцати лет... и был убит его задницей.

Хуа Усинь не хотел умирать рано, ведь он ещё не насладился Фан Дэ. Поэтому он тайно сблизился с Союзом боевых искусств, разработал оружие, превосходящее скрытое оружие Секты Тан, и время от времени подмигивал убийцам из Альянса наёмников... Теперь он мог выходить на улицу без страха.

Но Фан Дэ, после того как его «съел» этот волк, больше не появлялся, и Хуа Усинь начал увядать. Пока однажды тот не появился в Тереме Всезнания и не швырнул ему в лицо приказ:

— Неблагодарный ученик, моя следующая цель — ты.

Хуа Усинь ухмыльнулся:

— Это я выставил награду...

Фан Дэ: ...

Глава Хуа бросился к нему:

— Учитель, ты хочешь убить, казнить или... я весь твой.

Ходили слухи, что в одну из ночей в Тереме Всезнания раздавались крики, но кто пострадал — неизвестно.

Позже Фан Дэ создал новый стиль меча, грациозный, но смертоносный, который назвали «Бабочка, влюблённая в цветок». Узнав об этом, Хуа Усинь с гордостью подколот его:

— Меч, вдохновлённый постелью, действительно прекрасен.

Снова пошли слухи, что в Тереме Всезнания слышались крики, и все решили, что там теперь бойня.

Позже главный охотник Альянса наёмников был окружён сотней человек и убит у подножия горы Цанъю.

Хуа Усинь получил новость, когда читал книгу о путешествиях. В детстве он часто слышал от матери:

— Гора Цанъю — основа пиков, бездна Цанъю — обитель облаков, поле Цанъю — могила императора Шуня.

Письмо, как упавшая бабочка, медленно опустилось в жаровню, превратившись в пепел. Лёгкий дым поднялся, сопровождаемый едва слышным вздохом:

— Фан Дэ, я выбрал тебе неплохое место для могилы, да?

Линь Цзыюй с удивлением поднял голову:

— Это ты убил его?

— Точнее, я передал его местонахождение и светлым, и тёмным силам.

— Я не понимаю...

Хуа Усинь улыбнулся:

— Если бы я не стал главой Терема Всезнания, я бы тоже не понял, но, к сожалению, небо заставило меня понять.

В первый год правления Чуньмин предатель Хэ Цзюнь тайно родил сына и отдал его в семью Фан, где тот с детства учился боевым искусствам.

На шестнадцатый год Чуньмин мечник попытался убить императора, но был разбит и бежал, оставив часть печати — личную печать канцлера Хуа.

На следующий день канцлер пал, а семья Хуа была уничтожена.

И в храме, и в реках и озёрах — везде царили коварство и обман. Широкое небо и земля не могли предложить ничего чистого.

Линь Цзыюй почувствовал, как по спине побежал холодный пот:

— А знал ли Фан Дэ о твоей истинной личности?

— В архивах училища музыки есть записи, если бы он хотел узнать, то смог бы.

— Но он не убил тебя.

— Да, он не смог убить меня, так что пришлось мне убить его, — Хуа Усинь запрокинул голову и допил последнюю каплю вина. Язык горел, а внутри было как в огне.

На самом деле никто не был виноват, просто они встретились слишком рано, узнали друг друга слишком поздно и обманули слишком жестоко.

— Но, Хуа, ты ведь любил его? — Линь Цзыюй почувствовал, что его лечение не помогло. Этот человек становился всё безумнее.

— Я... не знаю, — он играл свою роль слишком долго и уже не мог отличить правду от лжи. Хуа Усинь знал только, что за десять лет он развлекался с множеством женщин, но больше не мог прикоснуться к мужчинам.

Голова закружилась, вино действительно было крепким. Он, полузакрыв глаза, пьяно сказал Линь Цзыюю:

— Теперь ты понял? Мы с тобой не на одном пути. Твоя любовь слишком чиста... чиста, чтобы я мог её принять, и я не могу ничего дать взамен.

Линь Цзыюй опустил взгляд:

— Я понимаю, я не из вашего мира, и всё, что вы пережили, мне не понять. Прошлое главы Терема Всезнания и убийцы из Альянса наёмников — это не то, что может постичь врач.

— Но, Хуа, именно потому, что я отличаюсь от тебя, я могу идти вперёд без страха, — он протянул руку и расстегнул пуговицу на воротнике Хуа Усиня.

Тот вдруг понял, что не может пошевелиться, и в ужасе воскликнул:

— Чёрт, что ты делаешь?!

— Переодеваю тебя, — Линь Цзыюй спокойно ответил. — Я останусь здесь вместо тебя на несколько дней, чтобы вы могли уйти подальше.

— Прекрати, я говорил, что не пойду! — Хуа Усинь разозлился. — Что будет с тобой, если я уйду? Чи Юэ разорвёт тебя на части!

— Может, кузен, пойдёшь с нами? — из-за двери раздался слегка насмешливый, но тёплый голос.

Хуа Усинь поднял глаза и обомлел:

— Сяо Линь?! Кузен?! Вы хорошо спрятались.

Линь Чжэнсюань, прикрывая нос, огляделся и торопливо сказал:

— Поторопитесь, скоро действие снотворного пройдёт, и никто не уйдёт.

— Не волнуйся, кузен, патриарх Чи мне должен, он меня не убьёт, — Линь Цзыюй быстро снял одежду с Хуа Усиня и надел на него свою.

Тот ругался, отказываясь уходить.

Линь Цзыюй вздохнул и сказал Линь Чжэнсюаню:

— Кузен, выруби его.

Хуа Усинь: ...

Подняв обмякшее тело на плечи, Линь Чжэнсюань обернулся:

— Ты точно не пойдёшь с нами?

— Здесь я смогу задержать их до Нового года, тогда в Долину Лазурных Глубин будет много посетителей, и Секте Врат Преисподней будет сложнее вас найти. Я из Павильона Ледяного Сердца, со мной ничего не случится, — Линь Цзыюй кивнул. — Идите скорее.

— Береги себя.

Взглянув на человека на плечах кузена, Линь Цзыюй улыбнулся:

— Береги себя.

— Поздравляем патриарха с Новым годом, пусть счастье и благополучие сопровождают вас! Пусть супруга будет здоров и счастлив!

На новогоднем банкете все члены Секты Врат Преисподней собрались в главном зале, чтобы поздравить своего патриарха и его супруга.

— Хорошо, вы все хорошо поработали в этом году, идите получайте красные конверты, — Чи Юэ спокойно ответил, а рядом с ним человек с улыбкой кивнул.

Не то чтобы Янь Були внезапно стал благородным, просто его рот был забит вяленой рыбой, и он не мог говорить. Чи Юэ взглянул на его живот и снова усомнился, что внутри находится ребёнок, а не голодный дух.

— Поздравляю патриарха и супругу с праздником, пусть в новом году появится новый член семьи! — Хай Шанфэй, улыбаясь, как мясистый пирожок, поклонился.

Слова звучали приятно и искренне, и патриарх улыбнулся, как вдруг рядом раздалось невнятное:

— Что, ты хочешь взять наложницу?!

Чи Юэ: ...

Хай Шанфэй сразу вспотел:

— Супруга, не поймите неправильно, я имел в виду, что в новом году у вас родится ребёнок!

— Эх, ребёнок? Скорее маленький чёрт...

Чи Юэ быстро засунул Янь Були в рот рыбу и кивнул Хай Шанфэю:

— Уходи, уходи.

— Но, патриарх, я ещё не получил красный конверт, — жалобно сказал толстяк.

Чи Юэ разозлился и швырнул ему в лицо рыбу:

— Возьми свой конверт и проваливай.

Янь Були тут же вытащил руку Чи Юэ и, как сокровище, обнял ведро с маринованной рыбой:

— Зачем ты это выбрасываешь?!

— Тогда что бросить?

Янь Були осмотрел стол, полный вкусностей, и, с трудом решившись, взял горсть жареных семечек и положил их в ладонь Чи Юэ:

— Вот это.

О боже, если патриарх бросит это в него, его лицо станет похоже на решето! Хай Шанфэй испугался, что у него... О, у него и так нет волос.

Толстяк быстро опустился на колени и жалобно заплакал:

— Супруга, мы с вами никогда не враждовали...

Янь Були прищурился:

— Просто я слышал, что в тюрьме на Новый год еда всё ещё плохая?

Хай Шанфэй тут же понял:

— Это моя ошибка, я сейчас приготовлю для заключённых праздничный ужин. Пять блюд, суп, фрукты на выбор, бесплатный чай и вино, вас устраивает?

— Ну, сойдёт, — Янь Були махнул рукой, отпуская его.

<http://bllate.org/book/15303/1352412>